

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018 г. Е. В. Глухова
г. Москва, Россия

ЕВАНГЕЛЬСКИЙ СЮЖЕТ О РОЖДЕНИИ МЛАДЕНЦА И ЕГО ТРАНСФОРМАЦИЯ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ АНДРЕЯ БЕЛОГО

Работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда
(проект № 14-18-02709) и в ИМЛИ РАН.

Аннотация: В статье предлагается рассмотрение архетипического мотива рождения чудесного ребенка как варианта евангельский сюжета Рождества в творчестве Андрея Белого — от «Симфоний» до работ революционных лет. Ключевую роль в культуре русского символизма играет семантический сдвиг традиционной пространственно-временной модели архаического нарратива, при котором события евангельской истории воспринимаются синхронными современности. Показано, что в раннем творчестве писателя с наибольшей частотой встречается эсхатологический мотив ожидания чудесного младенца, заимствованный из Откровения Иоанна Богослова, затем этот мотив вытесняется своим травестийным вариантом — появлением ложного/другого младенца. Затем, на примере публицистики и мемуарно-автобиографических документов Андрея Белого периода Первой мировой войны и революции, доказывается, что в антропософский период творчества мотив рождения чудесного младенца замещается эзотерическим *мотивом рождения как смерти и воскрешения*. Утверждается, что этот мотив не только метафорически переосмыслен как рождение «внутреннего», духовного человека, но и имеет системную частотность в контексте автобиографической мифологии писателя. Отмечено, что сюжет о рождении чудесного ребенка трансформируется в семантически близкие мифологические сюжеты об умирающем/возрождающемся божестве. Сделан вывод о том, мотив рождения чудесного младенца в контексте автобиографической мифопоэтики Андрея Белого замещен близкородственным эзотерическим сюжетом духовной трансмутации.

Ключевые слова: Андрей Белый, мифопоэтика, евангельский сюжет Рождества, мотив рождения чудесного ребенка, автобиографическая мифология.

Информация об авторе: Елена Валерьевна Глухова — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. E-mail: elenagluhova@mail.ru

Дата поступления статьи: 08.04.2018

Дата публикации: 28.12.2018

Для цитирования: Глухова Е. В. Евангельский сюжет о рождении младенца и его трансформация в автобиографической мифологии Андрея Белого // Вестник славянских культур. 2018. Т. 50. С. 197–215.

На фоне эсхатологических настроений начала XX в., затронувших все слои общественной жизни и культуры эпохи русского модерна [17], символистская проза Андрея Белого раннего периода (критические статьи, «Симфонии», повесть «Серебряный голубь») [21] воспринимается как чрезвычайно насыщенная новозаветными темами и мотивами — это и мистическое толкование семантики христианской цветописы [2, с. 78–81; 10, с. 91–102; 24], и апелляция к символам и образам Откровения св. Иоанна Богослова [31; 20]. Евангельские реминисценции встречаются в творческом наследии писателя от ранних «Симфоний» вплоть до поздней романной прозы [18; 27; 36]. О своих первых опытах духовного постижения Евангелия Белый так вспоминал в «Материале к биографии»: «...углубляемся в толкование Евангелия <...> наш мистический опыт этого времени — узвание апокалиптических переживаний <...> мы исследуем “*белые начала*” жизни; в них — веяние наступающей великой эры пришествия Софии Премудрости и Духа Утешителя» [1, с. 57].

Культура русского модерна сформировала особенный тип неомифологизма: прагматика символистского текста ощущается читателем балансирующей между иллюзией и реальностью, трансформирующей привычные пространственно-временные модели архаического нарратива [26; 24; 31]. Восприятие сюжетно-образного универсума евангельского текста также претерпевает значительный сематический сдвиг. Прежде всего эти изменения затронули традиционные представления о протяженности и линейности временной парадигмы, на первый план выходит мифологическая модель вечного возвращения, сакрального временного цикла; события евангельской и библейской истории ощущаются синхронными современности¹.

Описываемые тенденции в полной мере представлены творческим инструментарием Андрея Белого-символиста, для которого евангельский текст является значимой частью индивидуальной мифологии, а новозаветная и гностическая экзегеза занимает важное место в эпистолярном наследии этого периода [2, с. 15–196]. Сюжеты Рождества и Пасхи, образы младенца и креста, мотивы сакрального рождения/смерти можно было бы обозначить как две центральных мифогенных оси, вокруг которых концентрируются лейтмотивы его поэзии и прозы на протяжении всего творческого пути [22; 27].

Один из значимых, эсхатологических мотивов «Драматической симфонии» — рождение «младенца, которому надлежит пасти народы жезлом железным» (Откр. 12: 5) от «Жены, облеченной в солнце» — переосмыслен в духе софиологической философии Вл. Соловьева. В «Симфонии», как и в позднейших дневниковых записях, евангельский сюжет преобразуется в автобиографическую мифологему², обретая признаки архетипического мотива *чудесного ребенка* [36], помещенного в московскую реальность начала XX в.: «Тогда явилось знамение пред лицом ожидающих: *жена, облеченная в солнце,*

¹ Наиболее очевидный пример переосмысления линейной модели исторического времени мы встречаем в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита», в котором прошедшее и настоящее, историческое бытие и современность, синхронизированы, соположены и переплетены, а события евангельской истории параллельны повседневности, вклиниваются в нее [13].

² Ср. в ретроспективных мемуарных записях Белого: «...на небе вспыхивает новая звезда (она вскоре погасла); печатается сенсационное известие, будто эта звезда — та самая, которая сопровождала рождение Иисуса младенца <...> мы формулируем нашу мистическую символику приблизительно в таких терминах: Дух Утешитель будет иметь в истории такое же воплощение, как Христос; он родится младенцем; его мать — женщина, которая будет символом Церкви (Жены Облеченной в Солнце), рождающей новые слова, Третий Завет; «Жена Облеченная в Солнце» — София; Мария родила младенца Иисуса; София родит Духа Истины» [1, с. 58].

неслась на двух крыльях орлиных к Соловецкой обители, чтобы *родить младенца мужского пола, кому надлежит пасти народы жезлом железным*» [11, с. 109]. — «Он видел Москву, а над Москвой громады туч с льдистыми верхами, а на туче *жена, облеченная в солнце*, держала в объятиях своих *священного младенца*» [11, с. 119]. — «Ждали объявления *священного младенца*. Не знали того, кто младенец, ни того, *кто облечена в солнце*. <...> Вечность указала запечатленного *младенца и жену, облеченную в солнце*» [11, с. 129].

Этот мотив во 2-й Симфонии, затем в творчестве писателя 1900-х явственно дублирован таким травестийным сюжетным вариантом, который можно встретить, например, в мифологии хлыстов [36]: некая женщина, избранная в своей религиозной общине, как правило наделенная выдающейся красотой, символизирует земное, ипостасное воплощение Богородицы/Софии; ей предстоит стать матерью младенца, наделенного исключительными/чудесными способностями. Пронизанная эсхатологическими темами, Симфония Белого построена на приеме иронического остранения; на протяжении всего текста оксюморонная метафорика подготавливает сюжетную буффонаду, представляя своеобразное травесту: вопреки ожиданиям одного из главных героев, прекрасная героиня, «Сказка», которая должна была произвести на свет младенца-Мессию мужского пола, воспитывает девочку³. Как известно, прототипом «Сказки» была М. К. Морозова — ср. в дневниковых записях Белого описание сходного биографического эпизода: «Ранняя Пасха проходит для меня во встречах с М.К.М. на Арбате, на выставках, в симф<оническом> концерте; я продолжаю писать ей письма, я хожу мимо ее дома, и однажды в окне дома вижу изумительной красоты мальчика; соображаю: “Это ее сын”; С. М. Соловьев шутит со мною: “*Это и есть младенец, которому надлежит пасти народы жезлом железным*”. Между нами развивается стиль пародии над священнейшими нашими переживаниями; и этот стиль пародии внушает мне тему 2-ой “Симфонии”» [1, с. 61–62].

Белый обращался к мотиву рождения и воспитания *чудесного младенца* и в своих неосуществившихся замыслах этого периода: запутанное содержание его утраченной поэмы «Дитя-Солнце» (1907) было иронично отреферировано писателем в мемуарах «Между двух революций»: «...сюжет — космогония <...> вмешан профессор Ницше, — в усилиях: заставить некоего лейтенанта Тромпетера наставить рога лаборанту Флинте, чтобы от этого сочетания жены лаборанта с Тромпетером родился младенец, из которого Ницше хотел сделать сверхчеловека; но рыжебородый праотец рода Флинте вылезает из недр; он борется с Ницше; когда вырастает младенец, то он, снявши шкуру, подстригшись, надевши очки, нанимается, неузнанный, в гувернеры и похищает в горы младенца, чтобы в горных пещерах по-своему его перевоспитать» [6, с. 22].

³Ср.:

«1. Вечерняя заря хохотала над Москвой, и Мусатов сказал в волнении: “Не удивляйтесь... Я имею сообщить вам нечто важное... Когда я могу к вам явиться...” <...>

3. В эту минуту раздвинулась портьера. Вбежал хорошенький мальчик с синими очами и кудрями по плечам.

4. Это, конечно, был младенец мужского пола, которому надлежало пасти народы жезлом железным.

5. “Милый мальчик, — сказал Сергей Мусатов, сделав нечеловеческое усилие, чтобы не выдать себя. — Как его зовут?”

6. Но смеялась сказка, обратила запечатленное лицо свое к малютке, поправила его локоны и с напускной строгостью заметила: “Нина, сколько раз я тебе говорила, чтобы ты не входила сюда без спросу”.

7. Нина надула губки, а сказка весело заметила аскету: “Мы с мужем одеваем ее мальчиком”» [11, с. 131–132].

Свое дальнейшее развитие этот мотив получает в повести с хлыстовским сюжетом — «Серебряный голубь»: столяр-сектант Кудеяров⁴ хочет колдовским путем произвести от интеллигента-народника Дарьяльского и крестьянки Матрены — хлыстовской «богородицы» — дитя, наделенное необычайными способностями. Д. Мережковский в статье «Восток или запад» отмечал знаменательность казуса этой темы у Белого: как и в традиции мистического религиозного сектантства, евангельский сюжет получает в творчестве писателя отнюдь не каноническое толкование: «Молодого писателя Петра Дарьяльского баба Матрена, жена столяра Кудеярова, совращает в секту “голубей”. Секта эта, напоминающая хлыстов, ожидает пришествия и воплощения Духа в плоть человеческую именно в наши дни, в России. Матренин муж, столяр Кудеяров, основатель и глава секты, надеется, что от его жены и ее любовника родится ожидаемый Младенец — Белый Голубь. С этой целью он и сводит их» [23].

Анализ переписки Белого с Блоком в 1903–1905 гг. свидетельствует о том, что евангельский сюжет о рождении младенца Иисуса не только заменяется предпочтительным и более значимым для символиста мотивным вариантом из Откровения Иоанна Богослова, но привлекает метафизическое толкование образа Богородицы как св. Софии Премудрости. В своих рассуждениях Белый опирается на гностическую софиологию Вл. Соловьева [19, с. 199–219], а его экзегеза евангельского текста в письмах к Блоку раскрывает один из ипостасных вариантов Софии — *двоящейся*, явленной в двух лицах — Жена, рождающая божественного младенца, в то же время сама является этим младенцем: «Человекобог — не Ее ли младенец, а может быть, не младенец Ее, а Она Сама в какой-то новой потусторонней плоскости. <...> в ней какое-то отношение двух разных начал <...> исчезает Она, а является Нечто, что может быть и Вечно-Женственным, и убеленно-мягким, детским, человекобожеским... И это Нечто — не есть ли св. Дух Утешитель?» [2, с. 81]. В этом смысле травестийность высокого мотива ожидания *чудесного младенца*, подмена мальчика — девочкой в сюжете второй Симфонии — кажутся вполне символически оправданными на фоне рассуждений Белого об андрогинности Софии⁵.

Существенная трансформация уже закрепленного мотива прослеживается в ретроспективных автобиографических записях Белого о периоде его духовного ученичества в антропософской общине. Для отчета Штайнеру о своих ежедневных медитациях писатель находит единственно адекватную форму выражения своих переживаний в рисовании видений своего ментального мира: «...я усиленно подготавливаю д-ру отчет о медитациях, развертывающийся в дневник эскизов, живописующих жизнь ангельских иерархий на луне, солнце, Сатурне в связи с человеком; этот человек — я, а иерархии — мне звучащие образы (именно «звучащие») <...> целыми днями раскрашиваю я образы, мной зарисованные (символы моих духовных узваний)» [1, с. 143]. Осмысливая полученные от Штайнера знания, Белый обращается к антропософскому толкованию новозаветного сюжета, проецирует его на опыт своего эзотерического ученичества, описывает собственные ощущения как мистериальный путь нового рождения в Духе [30; 37].

⁴ Этот персонаж можно рассматривать как своеобразный функциональный коррелят Ницше из поэмы «Дитя-Солнца».

⁵ Особое отношение Белого к категории Вечно-Женственного убедительно рассматривается в одной из глав книги М. Л. Спивак «Мать, жена, сестра, дочь? Объект влечений Андрея Белого» [28, с. 290–313]. О мотиве андрогина в литературе Серебряного века см.: [16].

Один из наиболее ранних сохранившихся рисунков, касающийся интересующей нас темы — находится в составе Дорнахского архива «Rudolf Steiner-Nachlaßverwaltung» (рисунок 1)⁶. Перед нами явственно сложный двухчастный сюжет: на правой стороне листа — человек, голова которого обозначена условным символическим изображением кубка, или чаши Святого Грааля [15], верхняя часть черепа открыта, и в нее входит луч со звездой; луч символизирует духовный свет, который открывался писателю в процессе медитации; звезда — Рождественская звезда, предвозвестившая рождение евангельского младенца; все вместе они обозначают процесс духовного единения микрокосма с макрокосмом, человека — с Божественным Всеединством. Изображение слева представляет младенца в купели, расположившегося в некоем подобии звездного пространства; рядом с младенцем предстоят три ангелоподобных существа. Этот двухчастный сюжет является аллегорическим толкованием рождения Божественного младенца как рождения нового духовного «я» в человеке.

Рисунок 1 – Андрей Белый. Медитативный рисунок. 1910-е гг.

Figure 1 – Andrei Bely. A meditative drawing. 1910s

По всей видимости, рисунок следует датировать не ранее конца декабря 1913 г., поскольку история «духовного» рождения и явление писателю ментального духовного света подробно раскрываются в автобиографических записях «Материала к биографии» и в романе «Записки Чудака» в связи с посещением Лейпцигского курса лекций Рудольфа Штайнера «Христос и духовный мир. О поиске святого Грааля», который состоялся 28–31 декабря 1913 и 1–2 января 1914 г. Белый так описывал свои ощущения: «С трепетом готовлюсь к Лейпцигскому циклу; почему-то мне кажется, что этот цикл имеет какое-то особое касание меня; все дни провожу в посте, медитациях и молитве;

⁶ Этот рисунок экспонировался в составе выставки рисунков писателя, приуроченной к его 125-летию юбилею. Выставка была подготовлена швейцарскими коллегами и проходила в Мемориальной квартире Андрея Белого на Арбате в октябре 2005 г.

у меня слагается какой-то особый чин; так в известный час я ощущаю потребность разуться и замереть; мне почему-то кажется, что надо, чтобы на лбу у меня кто-то провел ножом крест; во мне оживает тысяча прихотей; я себя ощущаю точно беременной женщиной, которой надлежит родить младенца; я ощущаю, что этот, рождаемый мною младенец — “Я” большое» [1, с. 144]. — «Я понял, что посвящение мое в рыцари — духовный факт, и что в сердце моем родился младенец; мне, как роженице, надлежит его выносить во чреве ветхого сознания моего; через 9 месяцев “младенец” родится в жизнь. Разумеется, я эти странные, невероятные переживания скрыл от всех; но я вернулся с лекции с сознанием, что Св. Дух зачат в моем ветхом “я”; теперь это ветхое “я” будет распадаться» [1, с. 146]. Эти свидетельства писателя представляются чрезвычайно важными для понимания механизма экстраполяции мифопоэтического нарратива в поле автобиографического дискурса.

В 1927 г. в письме к Иванову-Разумнику писатель обозначит эти события как центральный момент своей биографии, полагая, что именно тогда он был «посвящен» в духовные рыцари Св. Грааля: «и если “посвящение” имеет свои “прообразы”, которые суть “посвятительные моменты”, — “моментом моментов” всей жизни — этот странный период, обнимающий недели три, в другом странном периоде, обнимающем ряд месяцев» [3, с. 501].

В революционные годы евангельский сюжет о рождении младенца претерпевает определенную смысловую трансформацию — от апокалиптического ожидания Мессии в символистский период к образу преображенного мира и нового рождения преображенного человека в революционную эпоху.

В период после февральской революции, в мае 1917 г., Белый работает над статьей «Революция и культура», в которой формулирует свое представление о внутренней инерции истинной революционности; революция в контексте мистериально-утопических представлений писателя есть акт не политической или социальной свободы, но акт освобождения в духе, Белый предвидит третью революцию, которая предстает как истинная «революция духа». Это понятие вскоре вошло в число культурных универсалий. 5 мая 1917 г. Белый пишет Иванову-Разумнику письмо, в котором, жалуясь на революционную эпоху и вскоре, наряду с левым эсером Ивановым-Разумником, — о «революции духа» будут говорить в своем манифесте русские футуристы обвинения от Бердяева в «мистическом большевизме», подробно излагает свою политическую позицию мистико-утопического социализма: «...тезис моей мысли: “*Взыгрался младенец во чреве*”... России. Может умереть мать: младенец будет жив на удивление всему миру; может умереть он; и — выживет мать. Может быть, будут живы и мать, и младенец. Младенец — “*мировой*”, новая культура <...>; в случае жизни матери и смерти новорожденного — старая культура (Нео-Китай, Нео-Атлантида); в третьем случае: Россия, как ряд федераций, явит миру новые формы жизни вплоть до социальной. Словом, Россия хочет: “Я б для батюшки царя / Родила б богатыря”. Батюшка-царь — Царь Небесный: он и будет русским царем: Невидимым [3, с. 111–112]».

Этот образ — России, производящей на свет в революционных муках младенца, — прямо соотносится с историософской позицией Белого, чьи размышления возвращают его к поискам формы идеальной государственности в духе русской философии Серебряного века. Белый переосмысливает соловьевскую теократию, полагая, что новое государство Страны Советов и есть воплощение Софийного идеала человечества — государства Святого Духа. Философские размышления и политические ожидания Белого-писателя в этот период объединяют целый ряд историко-культурных

концептов, среди которых — идея государства-коммуны-церкви Кампанеллы, представления Огюста Конта о человечестве как теле Софийного государства.

На этом этапе метафорическое осмысление архетипического сюжета о рождении божественного младенца отразилось в неомифологической интерпретации исторических событий, свидетелем которых становится писатель. В биологических терминах зарождения формы новой жизни описывает Белый историософский акт Богопознания: «В механическом взгляде на жизнь революция — взрыв, обрывающий мертвую форму в бесформенный хаос; но ее выражение иное: скорее она есть давление силы ростка, разрыванье ростком семенной оболочки, пророст материнского организма в таинственном акте рождения; <...> толчок революции — показатель того, что младенец вызрелся во чреве» [9, с. 13].

Рисунок 2 – Андрей Белый. Эскиз к лекции «Свет из грядущего». 1918
Figure 2 – Andrei Bely. Sketch for the lecture “Light from the Future”. 1918

В начале 1918 г. писатель читал лекцию «Свет из грядущего», которая частично сохранилась в черновых набросках; если судить по тезисам программы лекции, популярная идея о русском народе-богоносце, пришедшем в яслях Христа-младенца, была ее основной темой⁷. «Свет из грядущего» — это в сущности философские размышления о всемирной миссии и особом пути славянской духовности — этими чертами антрополог Штайнер наделял славянство. В рамках темы нашей работы важно отметить, что писатель рисовал программки к своему выступлению, и один из рисунков изображал трех волхвов, стоявших над младенцем; похожего типа рисунок мы встречаем позднее в альбоме С. Алянского (1919), с той только разницей, что вместо волхвов на рисунке предстают три Ангела у престолов, окруживших младенца.

⁷ Приведем частично план лекции: «Ковчеги культуры. Масличные ветви и эвритмия сознания. Прорези новой культуры и “Человек” среди людей. Маги и пастухи. Младенец. Свет миру. “В знойные грозные душные дни — белые, стройные, те же они”». Цит. по: ОР РНБ. Ф. 60. Ед. хр. 24. Л. 3.

Рисунок 3 – Андрей Белый. Рисунок. 1919 г.
Figure 3 – Andrei Bely. Drawing. 1919

В 1917 г., в своей статье «Песнь Солнценосца»⁸, посвященной творчеству поэта Николая Клюева, Белый проводит историософские параллели между ключевым событием евангельского повествования и историческим событием Октябрьской революции: «Величайший младенец родился в звериные ясли: прекрасный, “культурный”, его ожидающий мир — не дал места ему. <...> Это все есть: “Покайтесь! Приблизилось Царствие Божие! Ясли ищите: в них Кто-то лежит”» [7, с. 7]. Совершенно очевидно, что статья Белого не может быть рассмотрена как критическая интерпретация творчества народного поэта Клюева, но важна как пример того профетического пафоса, которым был одержим писатель в этот период своей творческой биографии. По мысли Белого, только истинный поэт может быть тем пастухом, что приютит младенца-Христа в яслях: «Так гроза человечества, ураган, все метущий и зревший в веках — не вызывает в нас мысли, что ныне завесою ливней закрыт миг рождения... в ясли: грядущей культуры: что маги прошли за звездой (сорок лет уж идут) и пастухи отвечают на песни веков славословием, перемогающим миллионы убитых, терзаемых, поднимающих руки «горе»: —

!— пастухи славословят Звезду» [7, с. 8].

Вслед за Клюевым и Достоевским Белый провозглашает новую Россию, а русский народ — народом-богоприимцем, выстраивающим Царство Божие на земле:

Если русский народ — «богоносец», то «богоносец» не в том смысле, что вынесет из души боготворенье: кумир; богоносен он, если сердца его — ясли: а в яслях — Христос, соединитель народов.

⁸ Эта статья предназначалась для 2-го сборника «Скифы», который готовил Иванов-Разумник, он же напечатал ее под другим названием «Рождение в ясли», приурочив ее к Рождеству 1917 г.

Пастухи ведь слышали первые: «Мир на земле и человекам благоволение» — и весть пастухов из народа передает Ключев нам: да, Народы — Христы, если сердца станут в них, как ясли Христовы [7, с. 9].

Идею о революционном переустройстве человека и мира, о совершившейся глубинной революции и трансформации Духа Белый продолжил в романе «Записки чудака» (1918–1921), где образ младенца обретает отчетливо эзотерические черты внутреннего мистического младенца и все события жизни главного героя есть не что иное, как отражения событий внешней жизни автора — на духовном плане. Например, тема преследования героя шпионами обретает свою параллель в астральном мире, где на вновь рожденное беззащитное духовное «Я»-младенца строчат доносы «астральные шпионы», воины Ирода [10, т. 6, с. 290–291]. Две другие главы романа — «Леонид Ледяной» и «Два “Я”» — также целиком посвящены теме нарождающегося духовного младенца: «... когда стал я воистину “странником”, шествующим за звездой своею: звезда привела меня к яслям; там, в “яслях”, младенец лежал.

Событие неописуемой важности заключалось в том, каким образом я убедился, что этот “младенец” есть “я”, мое, — “точка” моя, до которой коснуться не мог я; во мне, человеке, родился теперь человек. Был он, правда, младенцем еще, но я нянчился с ним, я любил его.

Я его никому не отдам.

Я — стал Я (с большой буквы)» [10, т. 6, с. 310–311].

Процесс рождения младенца-звезды в духовном сознании героя в процессе его медитации, младенца, принявшего образ ослепительно сияющего шара и одновременно являющегося евангельским Словом, воспроизводит архитектура главы «Кем я был?»:

Чтобы в светлейшую славу прояснился их громовержущий смысл; видел образы: — теплись ясные ясли; младенец рождался на землю —

— из
го—
во—
ра Ангелов, передающих теплотами
Слово
и
ка
к
бы —
— ш—
ар,
превыша—
ющий блеска—
ми солнце, при
этих карти—
нах во
мне
во—
—сходил —
м
н
е —
— казалось: вперяли в меня
безглагольные взоры узнавшие братья
Мои [10, т. 6, с. 354].

Судя по всему, приведенный отрывок параллелен или был написан близко по времени к его рассказу «Человек» (1918):

Учитель спустился к Земле, пересекая круги иерархий обстающего Духовного Мира, чтобы... снялись печати с последних столетий и чтобы в светлейшую славу прояснился их глухой, громовержущий смысл.

Затеплятся «ясные ясли»: родится младенец: соединит воедино две тайны: рождение в ясли и — воскресение в жизнь. Рождество соединится со Светлою Пасхою.

С порога Духовного Мира мы видим, как —

— в громе говора Ангелов, передающих теплотами Слово, восстало творение оболочек Души; и —

— как бы шар, превышающий блесками Солнце, — мы видим: —

— вперили, теплясь, Элогимы свои безглагольные взоры в сходящую Душу; и над влученем Элогимовых мыслей в сходящие оболочки взыгрались Начала, —

— спрессовывая их комом плоти... [10, т. 1, с. 167].

Следует отметить, что в этот период Белый обращается не только к рассматриваемому нами евангельскому сюжету Рождества и мотиву чудесного ребенка; писатель использует целый ряд значимых для эзотерической традиции русского символизма мифов и образов, продуцируя тем самым своеобразный антропософский код автобиографического нарратива. Совершенно очевидно, что в структуру антропософского кода входят и аломорфные мотивы и сюжеты, отмеченные принадлежностью к семиосфере инициации. Например, разворачивая «биологическую» метафору для утверждения ассоциативного ряда «чаша — это ясли», Белый упоминает и легенду о Чаше Св. Грааля и связанном с ней замке Монсальват, и поиски мистического Голубого цветка Новалиса: «Воспоминания о священнейших мигах моих (Христиания, Берген и Дорнах) — мне чаша: несу ее; в чаше — “младенец”; а прежняя жизнь — облетевший цветок; наливаются в настоящем в нем плод; моя жизнь в настоящем — корявые коросты: оболочка живейшего семени: лишь после смерти моей из растресканных створок сухой оболочки (из тела) в “миры” побежит длинный стебель; <...> стебель выкинет чашечку; мне окажется чашечкой материнский покров моего воплощения в будущем; а из чашечки развернется и венчик (или жизнь моя в будущем); расцвету я не здесь (я — отцвел); но я венчик цветка голубого в себе уже знаю; он — Грааль, я его, над собой приподняв, понесу» [10, т. 6, с. 313].

В то же время мотив рождения младенца претерпевает существенную трансформацию, например, в стихотворении Белого «Антропософии» («Из родников проговорившей ночи...») (той же весны 1918), в который вводится явственно автобиографический элемент, основанный на медитативных практиках писателя — речь идет о мотиве метафорического обезглавливания:

Блится луч из звездной рукояти,
Как резвый меч;
Мой бедный ум к ногам смущенных братии
Слетает с плеч.

Я — обезглавлен в набежавшем свете
Лучистых глаз
Меж нами — Он, Неузнанный и Третий:
Не бойтесь нас.

Мы — вспыхнули, но для земли — погасли.

Мы — тихий стих.

Мы — образуем солнечные ясли.

Младенец — в них [12, с. 411].

Именно этот сюжет — с обезглавливанием героя и присутствием на дальнем плане куколя с младенцем — просматривается на одном из рисунков, сохранившемся в черновых материалах к лингвистическому антропософскому трактату «Глоссолалия». На нем изображен явственно энигматический сюжет: человек, стоящий на коленях и дающий обет перед ангелом с чашей; на следующем элементе рисунка видно, что его череп открыт и уже его голова является кубком, в который проливается некая субстанция (вероятно, благодать Божественного Слова). В верхней части листа изображен традиционный младенец, среди облаков, справа на рисунке — наброски к изображению трех волхвов (рисунок 3).

Рисунок 4 – Рисунок Андрея Белого. <1910-е годы>

Figure 4 – Drawing by Andrei Bely. <1910s>

Сюжет о Божественном младенце, связанный в авторском сознании с инициатической традицией, переосмысливается Белым в «Глоссолалии» (1917). «Глоссолалия» — антропософский трактат о творении земного человека, первочеловека, описание того, как «опускали нас духи на землю из воздуха звука» [4, с. 19]; это особенно ясно в одной из первоначальных редакций, «Безрукой танцовщице» [4], а в итоговой версии «Глоссолалии» — в начальных и конечных главках, обрамляющих разившееся позднее космогоническое повествование. Глоссолалический человек Белого, сотканный из первозвуков материи — это каббалистический андрогинный Адам-Кадмон, протоформа универсального мироустройства.

Специальной теме — осознания себя в состоянии до рождения, в материнской утробе, — посвящены части главки «Записок Чудака» — «В вагоне»; эта же тема является одной из центральных в повести «Котик Летаев»: пренатальный опыт героя, самоосознание своего «я» до рождения [10, т. 6, с. 366–368]; (ср.: «теплились ясные ясли: младенец во мне опускается в гром говора мира» [10, т. 1, с. 167]).

Близкородственным и ответвившимся от основного сюжета можно назвать мотив рождения как духовного воскрешения, распространенный не только в христианской экзегезе, но и в эзотерических негностических интерпретациях. Слова из послания апостола Павла к Коринфянам: «То, что ты сеешь, — говорит апостол, — не оживет, если не умрет» (1 Кор. 15: 36) — имеют метафорический смысл: умирая для плотской жизни — Дух воскресает для жизни вечной. Наследие апостола Павла, по мысли эзотерического учения Штейнера, имело значительную роль в гностической интерпретации мистерии Голгофского христианства. Об этом Штайнер говорил в уже упоминавшейся нами лекции «Христос и духовный мир», оказавшей столь решительное влияние на представления писателя о своем духовном опыте. Таким образом, традиционный мифологический сюжет об умирающем/возрождающемся божестве, получивший широкое распространение и в гностической интерпретации — акт рождения в материальном мире приравнен акту смерти в духовном мире (и наоборот) — можно рассматривать в качестве важного коррелята к рассматриваемому нами мотиву (ср. в рассказе «Человек»: «...родится младенец: соединит воедино две тайны: рождение в ясли и — воскресение в жизнь. Рождество соединится со Светлою Пасхою» [10, т. 1, с. 167]).

В статье Белого, посвященной творчеству Вячеслава Иванова (1917), евангельский сюжет о рождении младенца прямо интерпретирован сквозь призму *дуплекс*-мотива о духовном перерождении — мифопоэтический нарратив здесь опять сопряжен с автобиографическим: Белый экстраполирует область анализа поэтического текста на факт личной биографии поэта, упрекая его в неспособности к воскресению в «жизни вечной». Давая Иванову нелюбимую оценку, Белый пишет о нем как о человеке, который не может следовать истинному духовному пути посвящения. Мотивный коррелят рожденного/возрождающегося человека привлекает и другие мифопоэтические дискурсивные практики; например, Белый обращается к образной системе египетской мифологии, указывая на тот факт, что, согласно древнеегипетским верованиям, египтяне «клали в рот мумии» тотем «божка», своего рода «человека-языка», или египетского бога Гора (сына Осириса, родившегося после его смерти):

...в Вячеславе Иванове тихо возлег им рожденный младенец: он — куколка; верим: из «куколки» вылетит бабочка Аполлонова света. <...> Обстановка душевно-духовного быта его восьми книг, если снять с них покров, нам явит: в песках — пирамиду с пустою комнатой в ней; посередине ее — саркофаг; под саркофагом — коричневеет иссохшая мумия; положили папирус ей в ноги; и то — «Книга Мертвых». Восьмикнижие Вячеслава Иванова — «Книга мертвых» его — повествует о странствии подсудимой души по пространствам загробного мира. <...>

И оттого-то, судя здесь «Осириса» Вячеслава Иванова, верим мы в Горуса, *все* еще могущего встать из-за мрамора стен прославляемой им культуры, уже упдающей в грохот пушек и реветихий [5, с. 440].

Таким образом, Белый использует мифологические варианты сюжетов о рождении/смерти/возрождении для описания творческой и духовной трансформации, которая происходит с личностью Иванова; например, развивая тему умирающего/возрождающегося божества, Белый сравнивает его поэзию с духовным рождением Орфея:

...дышит тайнами эзотерической мистики он: три души, в нас живущих, как сестры (разум, чувство и воля) встают — треугольником перед младенцем, Орфеем духовно рожденным <...>

Что случилось с «младенцем»?

Младенец не умер; имагинации сна развернули пред ним длинный свиток путей, изображающих путешествие по загробному миру. Его тройники — «Вячеславы Ивановы» (старшине братья)

нашептами оведают пейзаж возникающих снов: смутный ужас встает; и душа принакает к лозе придорожной, что «шепчется с ужасом»; волна миражей, как смутные сны долгой ночи, застигла в пути; возникает за образом образ, поднимается издали «Сфинкс»... [5, с. 431–432].

В конце 1920-х гг., в письме «Правда ритмов времени», которое в машинописи циркулировало между антропософскими группами, Белый отмечал особенную взаимосвязь двух годовых христианских циклов — Рождества и Пасхи, — опираясь на гностическое разделение Христа и Иисуса, основанного, в свою очередь, на представлении, что духовную сущность Христа человек-Иисус обрел лишь в акте сошествия на него святого Духа во время крещения. Два центральных христианских праздника Белый рассматривал как события внутреннего ежегодного мистериального цикла, в котором участвует верующий: «25 декабря — Праздник Иисусов (рождение Младенца Иисуса), а Праздник 6 января — Крещение 30-летнего Иисуса, то есть зачатие Христа в Землю; Христос 6 января рождается из Космоса в мир: Иисус 25 декабря идет к Крещению. <...> От 25-го декабря до 6 января есть “12” дней Мистерии Рождения Высшего “Я” (от Иисуса ко Христу)» [8]. Совершенно очевидно, что эта тема воспринималась писателем в ключе гностической розенкрейцерской формулы «В Боге родимся, во Христе умираем, в Святом Духе родимся» — «Ex Deo nascimur, In Cristo morimur, In Sancto Spirito reviviscimus!» — осмыслявшейся писателем на протяжении последних десятилетий его жизни [15].

Символическая образность Белого-писателя в равной степени пронизывает собственно художественные произведения, критику и публицистику, документы мемуарно-автобиографического характера, рисуя единую смысловую «кривую». Евангельский мотив рождения младенца-Мессии, частый и в первом периоде творчества Белого — в годы Первой мировой войны и русской революции принимает вполне отчетливые формы историософского мотива духовного перерождения и преображения (человека и человечества, государства); не первый, но третий член розенкрейцерской триады. Побочные же мифопоэтические трансформации этого мотива связаны с актуализацией мотива рождения как смерти и воскресения, повлекшего за собой параллели из области мифологических сюжетов об умирающем/возрождающемся божестве (о Дионисе/Орфее, Горусе, Осирисе).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Андрей Белый. Автобиографические своды. Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / сост. А. В. Лавров, Дж. Мальмстад; научн. ред. М. Л. Спивак. М.: Наука, 2016. 1120 с.
- 2 Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903–1919 / публ., подгот., предисл., коммент., А. В. Лавров. М.: Прогресс-Плеяда, 2001. 608 с.
- 3 Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / публ., вступит. ст., коммент. А. В. Лаврова и Дж. Малмстада; подгот. текста Т. В. Павловой, А. В. Лаврова, Дж. Малмстада. СПб.: Atheneum-Феникс, 1998. 736 с.
- 4 Белый А. Безрукая танцовщица / публ., предисл. Е. В. Глухой, Д. О. Торшилова // Literary Calendar: the Books of Days. 2009. № 5 (2). С. 5–25.
- 5 Белый А. Вячеслав Иванов // Вяч. Иванов: Pro et contra. Личность и творчество Вячеслава Иванова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. Антология: в 2 т. СПб.: Изд-во РХГА, 2016. Т. 1. 996 с.

- 6 *Белый А.* Между двух революций / подгот., вступит. ст., коммент. А. В. Лаврова. М.: Худож. лит., 1989. 670 с.
- 7 *Белый А.* Песнь Солнценосца // Скифы: Сб. 2 / под ред. А. Белого, Р. В. Иванова-Разумника, С. Д. Мстиславского. Пг.: Скифы, 1918. С. 6–11.
- 8 *Белый А.* Правда ритмов времени // Rudolf-steiner.ru. URL: <http://www.rudolf-steiner.ru/50000016/1448.html> (дата обращения: 07.04.2018).
- 9 *Белый А.* Революция и культура. М.: Изд. Г. А. Лемана и С. И. Сахарова, 1917. 30 с.
- 10 *Белый А.* Собр. соч.: в 8 т. М.: Республика, 1995.
- 11 *Белый А.* Собр. соч.: в 14 т. М.: Дмитрий Сечин, 2014. Т. 10: Симфонии / сост., послесл., коммент. А. В. Лаврова. 450 с.
- 12 *Белый А.* Стихотворения и поэмы: в 2 т. / вступит. ст., сост., подгот. текста и примеч. А. В. Лаврова и Дж. Малмстада. СПб.; М.: Академический проект, 2006. Т. 1. 640 с.
- 13 *Галинская И. Л.* Загадки известных книг. М.: Наука, 1986. 126 с.
- 14 *Глухова Е. В. А. Р. Минцлова в письмах к Андрею Белому* // Труды Русской антропологической школы. М.: Изд-во РГГУ, 2007. Вып. 4 (2). С. 215–270.
- 15 *Глухова Е. В.* Неопубликованные рисунки Андрея Белого к «Глоссолалии»: Чаша Св. Грааля // Труды Русской антропологической школы. М.: Изд-во РГГУ, 2005. Вып. 3. С. 386–408.
- 16 *Григорьева Е.* О некоторых психоаналитических коннотациях мотива андрогина в русской литературе конца 19 – начала 20 века // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia V: Модернизм и постмодернизм в русской литературе и культуре.* Helsinki: University of Helsinki, 1996. Вып.: Slavica Helsingiensia 16. P. 335–348.
- 17 *Кацис Л.* Русская эсхатология и русская литература. М.: Изд-во ОГИ, 2000. 665 с.
- 18 *Кожевникова Н. А.* Евангельские мотивы в романе А. Белого «Москва» // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX вв. Петрозаводск, Изд-во ПетрГУ, 1995. С. 493–504.
- 19 *Козырев А. П.* Соловьев и гностики. М.: Изд. Савин С. А., 2007. 544 с.
- 20 *Коно Вакана.* Культурный контекст образа корабля в «Серебряном голубе» А. Белого // *Japanese Slavic and East European studies.* 2001. Vol. 22/2001. P. 1–16.
- 21 *Лавров А. А.* Андрей Белый в 1900-е годы: жизнь и литературная деятельность. М.: Новое литературное обозрение, 1995. 336 с.
- 22 *Левина-Паркер М.* Андрей Белый: путь к распятию как аспект серийного самосочинения // *AvtobiografiЯ.* 2014. № 3. URL: <http://www.avtobiografija.com/article/view/58/46> (дата обращения: 07.04.2018).
- 23 *Мережковский Д. С.* Восток или Запад // *Русское слово.* 1910. № 217. 22 сентября.
- 24 *Миц З. Г.* О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов // Блок и русский символизм. Избранные труды: в 3 кн. СПб.: Искусство-СПб, 2004. Кн. 3: Поэтика русского символизма. С. 59–96.
- 25 *Постоутенко К.* Священные цвета Андрея Белого // *Die Welt der Slaven.* 1996. № XLI (1). S. 153–156.
- 26 *Руднев В. П.* Неомифологическое сознание // *Словарь культуры XX века.* М.: Изд-во РГГУ, 1997. С. 184–185.
- 27 *Серегина С. И.* Образ распятия в произведениях Андрея Белого, Николая Клюева и Сергея Есенина (1917–1918 гг.) // *Мифологические образы в литературе и искусстве.* М.: Индрик, 2015. С. 262–284.

- 28 *Спивак М. Л.* Андрей Белый — мистик и советский писатель. М.: Изд-во РГГУ, 2006. 577 с.
- 29 *Спивак М. Л.* Иван Иванович Коробкин на путях посвящения: Антропософский код в романе А. Белого // *Sub Rosa: Сборник в честь Лены Силард*. Budapest: EFO, 2005. С. 555–570.
- 30 *Спивак М. Л.* «Символы моих духовных узаний»: Медитативные рисунки Андрея Белого // *Русское искусство*. 2006. № 1 (9). С. 28–33.
- 31 *Тиллес О.* Православные реминисценции в четвертой симфонии А. Белого // *Литературное обозрение*. 1995. № 45. С. 135–143.
- 32 *Тиллес-Заусская О. К.* Литература и музыка: Четвертая симфония Андрея Белого. Amsterdam, Б.и., 1998. 539 с.
- 33 *Тиллес-Заусская О. К.* Четвертая симфония Андрея Белого: точки «затемнения фокализации» и неомифологический порядок действия // *Amsterdam International Electronic Journal for Cultural Narratology*. 2005. № 1. URL: <http://cf.hum.uva.nl/narratology/tielkis.htm> (дата обращения: 18.02.18).
- 34 *Хэмлет Т. Ю.* Описание сказочного сюжета 707 Чудесные дети в международных, национальных и региональных указателях сказочных сюжетов: сравнительный анализ // *Научный диалог*. 2013. № 5 (17): Филология. С. 198–219; 2013. № 10 (22). С. 61–75.
- 35 *Шарапенкова Н. Г.* Крестный путь героя. Ветхозаветные и евангельские мотивы в романе Андрея Белого «Москва» // *Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX вв.: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр*. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. С. 301–314.
- 36 *Эткинд А.* Хлыст: Секты, литература и революция. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 644 с.
- 37 *Oboleńska D.* Путь к посвящению. Антропософские мотивы в романах Андрея Белого. Gdansk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdanskiego, 2009. 282 с.

***

© 2018. Elena V. Glukhova
Moscow, Russia

GOSPEL STORY ABOUT THE BIRTH OF A BABY AND ITS TRANSFORMATION IN THE AUTOBIOGRAPHICAL MYTHOLOGY OF ANDREI BELY

Acknowledgements: The work was carried with support of a grant from the Russian Science Foundation (project No. 14-18-02709) and at the IMLI RAS.

Abstract: The article offers consideration of the archetypical *motif of the birth of a miraculous child* as variations of the Gospel plot of Christmas in the work of Andrei Bely — from his early “Symphonies” up to his articles of the revolutionary years. A semantic shift of the traditional spatial-temporal model of the archaic narrative came to play a key role in the culture of Russian symbolism, which implies that the events of the Gospel history are perceived as synchronous modernity. As the paper revealed the eschatological *motif of the waiting for a miraculous baby*, borrowed from the Revelation of John the Theologian, occurs in the early works of the writer most frequently, but at the same time this motif is supplanted by its travesty variant — the appearance of a

false / other baby. Then, using the example of journalistic articles by Andrei Bely and his memoir-autobiographical documents from the period of the First World War and Revolution, the author proves that during the anthroposophical period of his work, the *motif of the birth of a miraculous child* is replaced by the esoteric *motif of the birth as death, or resurrection*. The study presumes that this motif is not only metaphorically reinterpreted as the birth of an “inner”, spiritual person, but has also a systemic frequency in the context of the writer's autobiographical mythology. As the author notes the *story of the birth of a miraculous child* is transformed into semantically similar mythological scenes of a dying/resurgent deity. The study concluded that the *motif of the birth of a miraculous child* in the context of the autobiographical mythopoetics of Andrei Bely was replaced by a closely related esoteric plot of spiritual transmutation.

Keywords: Andrei Bely, Gospel plot of Christmas, mythopoetics, motif of the birth of a miraculous child, autobiographical mythology.

Information about author: Elena V. Glukhova — PhD in Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaia St. 25 a, 121069 Moscow, Russia. E-mail: elenagluhova@mail.ru

Received: April 08, 2018

Date of publication: December 28, 2018

For citation: Glukhova E. V. Gospel story about the birth of a baby and its transformation in the autobiographical mythology of Andrei Bely. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2018, vol. 50, pp. 197–215. (In Russian)

REFERENCES

- 1 *Andrej Bely. Avtobiograficheskie svody. Material k biografii. Rakurs k dnevniku. Registracionnye zapisi. Dnevniki 1930-h godov* [Autobiographical registers. Material for the biography. A view to the diary. Registration records. The diaries of the 1930s], comp. of A. V. Lavrov, J. Malmstad; scientific editorial M. L. Spivak. Moscow, Nauka Publ., 2016. 1120 p. (In Russian)
- 2 *Andrej Bely i Aleksandr Blok. Perepiska. 1903–1919* [Andrei Bely and Alexander Blok. Correspondence: 1903–1919], edited, preparation, introduction, comments by A. V. Lavrov. Moscow, Progress-Plejada Publ., 2001. 608 p. (In Russian)
- 3 *Andrej Bely i Ivanov-Razumnik. Perepiska* [Andrei Bely and Ivanov-Razumnik. Correspondence], publication introductory article, comments by A. V. Lavrova i Dzh. Malmstada; preparation of the text by T. V. Pavlovoj, A. V. Lavrova, J. Malmstad. St. Petersburg, Atheneum-Feniks Publ., 1998. 736 p. (In Russian)
- 4 Bely A. *Bezrukaja tancovshhica* [Armless Dancer], publication, foreword by E. V. Gluhovoj, D. O. Torshilova. Literary Calendar: the Books of Days, 2009, no 5 (2), pp. 5–25. (In Russian)
- 5 Bely A. Vjacheslav Ivanov [Vyacheslav Ivanov]. *Vyacheslav Ivanov: Pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Vjacheslava Ivanova v ocenke russkih i zarubezhnyh myslitelej i issledovatelej. Antologija: v 2 t.* [Vyacheslav Ivanov: Pro et contra: Personality and work of Vyacheslav Ivanov according to the Russian and foreign thinkers and researchers: in 2 vols.]. St. Petersburg, Izdatel'stvo RHGA Publ., 2016. Vol. 1. 996 p. (In Russian)
- 6 Bely A. *Mezhdu dvuh revoljucij* [Between two revolutions], preparation, introductory article, comments by A. V. Lavrov. Moscow, Hudozhestvennaja literature Publ., 1989. 670 p. (In Russian)

- 7 Bely A. Pesn' Solncenosca [The song of Sunbearer]. *Skify*: Sb. 2 [Scythians: Collection 2], ed. by A. Bely, R. V. Ivanova-Razumnik, S. D. Mstislavskii. Moscow, Skify Publ., 1918, pp. 6–11. (In Russian)
- 8 Bely A. Pravda ritmov vremeni [Truth of the time's rhythms]. *Rudolf-steiner.ru*. Available at: <http://www.rudolf-steiner.ru/50000016/1448.html> (accessed 07 April 2018) (In Russian)
- 9 Bely A. *Revoljucija i kul'tura* [Revolution and culture]. Moscow, Izdatel'stvo G. A. Lemana i S. I. Saharova Publ., 1917. 30 p. (In Russian)
- 10 Bely A. *Sobranie sochinenij: v 8 t.* [Collected works: in 8 vols.] Moscow, Respublika Publ., 1995. (In Russian)
- 11 Bely A. *Sobranie sochinenij: v 14 t.* [Collected works: in 14 vols.] Moscow, Dmitriij Sechin Publ., 2014. Vol. 10, compilation, afterword comments by A. V. Lavrova. 450 p. (In Russian)
- 12 Bely A. *Stihotvorenija i pojemy: v 2 t.* [Poems: in 2 vols.], introductory article, preparation of the text and notes A. V. Lavrov i J. Malmstad. St. Petersburg, Moscow, Akademicheskij proekt Publ, 2006. Vol. 1. 640 p. (In Russian)
- 13 Galinskaja I. L. *Zagadki izvestnyh knig* [Riddles of famous books]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 126 p. (In Russian)
- 14 Gluhova E. V. A. R. Minclova v pis'mah k Andreju Belomu [Letters from Anna Mintslova to Andrei Bely]. *Trudy Russkoj antropologičeskoj shkoly* [Proceedings of the Russian Anthropological School]. Moscow, Izdatel'stvo RGGU Publ., 2007, vol. 4 (2), pp. 215–270. (In Russian)
- 15 Gluhova E. V. Neopublikovannye risunki Andreja Belogo k “Glossolalii”: Chasha Sv. Graalja [Unpublished drawings by Andrei Bely to “Glossolalia”: The Holy Grail]. *Trudy Russkoj antropologičeskoj shkoly* [Proceedings of the Russian Anthropological School]. Moscow, Izdatel'stvo RGGU Publ., 2005, vol. 3, pp. 386–408. (In Russian)
- 16 Grigor'eva E. O nekotoryh psihoanalitičeskikh konnotacijah motiva androgina v ruskoj literature konca 19 – nachala 20 veka [On some psychoanalytic connotations of the motif of androgyne in Russian literature of the late 19th – early 20th century]. *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia V: Modernizm i postmodernizm v ruskoj literature i kul'ture* [Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia V: Modernism and postmodernism in Russian literature and culture]. Helsinki, Izdatel'stvo University of Helsinki, 1996, vol. Slavica Helsingiensia 16, pp. 335–348. (In Russian)
- 17 Kacis L. *Russkaja jeshatologija i russkaja literature* [Russian eschatology and Russian Literature]. Moscow, Izdatel'stvo OGI Publ., 2000. 665 p. (In Russian)
- 18 Kozhevnikova N. A. Evangel'skie motivy v romane A. Belogo “Moskva” [Gospel motives in A. Bely's novel “Moscow”]. *Evangel'skij tekst v ruskoj literature XVIII–XX vv.* [Gospel text in the Russian literature of the 17th–20th centuries]. Petrozavodsk, Izdatel'stvo PetrGU Publ., 1995, pp. 493–504. (In Russian)
- 19 Kozyrev A. P. *Solov'ev i gnostiki* [Solovyov and gnostics]. Moscow, Izdatel'stvo Savin S. A. Publ., 2007. 544 p. (In Russian)
- 20 Kono Vakana. Kul'turnyj kontekst obraza korablja v “Serebrjanom golube” A. Belogo [The cultural context of the ship's image in the “Silver Dove” by A. Belyo]. *Japanese Slavic and East European studies*, 2001, vol. 22/2001, pp. 1–16. (In Russian)
- 21 Lavrov A. A. *Andrej Bely v 1900-e gody: zhizn' i literaturnaja dejatel'nost'* [Andrei Bely in the 1900s: Life and Literary Activity]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1995. 336 p. (In Russian)

- 22 Levina-Parker M. Andrej Bely: put' k raspjatiju kak aspekt serijnogo samosochinenija [Andrei Bely: the way to crucifixion as an aspect of serial self-comprehension]. *Avtobiografija*, 2014, no 3. Available at: <http://www.avtobiografija.com/article/view/58/46> (accessed 07 April 2018) (In Russian)
- 23 Merezhkovskij D. S. Vostok ili Zapad [East or West]. *Russkoe slovo*, 1910, no 217, 22 September. (In Russian)
- 24 Minc Z. G. O nekotoryh “neomifologicheskikh” tekstah v tvorchestve russkikh simbolistov [On some “neomythological” texts in the works of Russian Symbolists]. *Blok i russkij simbolizm: Izbrannye Trudy* [Blok and Russian Symbolism. Selected works]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ., 2004, vol. 3: Pojetika russkogo simbolizma [Poetics of Russian Symbolism], pp. 59–96. (In Russian)
- 25 Postoutenko K. Svjashhennye cveta Andreja Belogo [Sacral colors of Andrei Bely]. *Die Welt der Slaven*, 1996, no XLI (1), pp. 153–156. (In Russian)
- 26 Rudnev V. P. Neomifologicheskoe soznanie [Neomythological consciousness]. *Slovar' kul'tury XX veka* [Dictionary of 20th century culture]. Moscow, Izdatel'stvo RGGU Publ., 1997, pp. 184–185. (In Russian)
- 27 Seregina S. I. Obraz raspjatija v proizvedenijah Andreja Belogo, Nikolaja Kljueva i Sergeja Esenina (1917–1918 gg.) [The image of crucifix in the works of Andrei Bely, Nikolai Klyuyev, Sergei Yesenin. (1917–1918)]. *Mifologicheskie obrazy v literature i iskusstve* [Mythological images in literature and art]. Moscow, Indrik Publ., 2015, pp. 262–284. (In Russian)
- 28 Spivak M. L. *Andrej Bely — mistik i sovetskij pisatel'* [Andrei Bely — mystic and Soviet writer]. Moscow, Izdatel'stvo RGGU Publ., 2006. 577 p. (In Russian)
- 29 Spivak M. L. Ivan Ivanovich Korobkin na putjah posvjashhenija: Tilkes O. Pravoslavnye reminiscencii v chetvertoj simfonii A. Belogo [Orthodox Reminiscences in the Fourth Symphony by A. Bely]. *Literaturnoe obozrenie*, 1995, no 45, pp. 135–143. (In Russian)
- 30 Spivak M. L. “Simvolj moih duhovnyh uznanij”: Meditativnye risunki Andreja Belogo [“Symbols of my spiritual quest”: meditative drawings of Andrei Bely]. *Russkoe iskusstvo*, 2006, no 1 (9), pp. 28–33. (In Russian)
- 31 Tilkes O. Pravoslavnye reminiscencii v chetvertoj simfonii A. Belogo [Orthodox reminiscences in the fourth symphony of A. Bely]. *Literaturnoe obozrenie*, 1995, no 45, pp. 135–143. (In Russian)
- 32 Tilkes-Zausskaja O. K. *Literatura i muzyka: Chetvertaja simfonija Andreja Belogo* [Literature and Music. The Forth Symphony of Andrei Bely]. Amsterdam, Bez izdatel'stva, 1998. 539 p. (In Russian)
- 33 Tilkes-Zausskaja O. K. Chetvertaja simfonija Andreja Belogo: tochki “zatemnenija fokalizacii” i neomifologicheskij porjadok dejstvija [The fourth Symphony by Andrei Bely: points of “dimming focalization” and neo-mythological action]. *Amsterdam International Electronic Journal for Cultural Narratology*, 2005, no 1. Available at: <http://cf.hum.uva.nl/narratology/tielkis.htm> (accessed 18 February 2018). (In Russian)
- 34 Hamlet T. Ju. Opisanie skazocnogo sjuzheta 707 Chudesnye deti v mezhdunarodnyh, nacional'nyh i regional'nyh ukazateljah skazocnyh sjuzhetov: sravnitel'nyj analiz [Description of a fairytale story 707 Wonderful children in international, national and regional indexes of fairy-tale plots: comparative analysis]. *Nauchnyj dialog*, 2013, no 5 (17): Filologija [Philology], pp. 198–219; no 10 (22): Filologija [Philology], pp. 61–75. (In Russian)

- 35 Sharapenkova N. G. Krestnyj put' geroja. Vethozavetnye i evangel'skie motivy v romane Andreja Belogo "Moskva" [Hero's way of the cross. Old Testament and Evangelical Motives in Andrei Bely's Novel "Moscow"]. *Evangel'skij tekst v russoj literature XVIII–XX vv.: citata, reminiscencija, motiv, sjuzhet, zhanr* [Gospel text in Russian literature of the 17th–20th centuries: quote, reminiscence, motif, plot, genre]. Petrozavodsk, Izdatel'stvo PetrGU Publ., 2012, pp. 301–314. (In Russian)
- 36 Etkind A. *Hlyst: Sekty, literatura i revoljucija* [Khlyst: sects, literature and revolution]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1998. 644 p. (In Russian)
- 37 Oboleńska D. *Put' k posvjashheniju. Antroposofskie motivy v romanah Andreja Belogo* [The path to initiation. Anthroposophic motifs in the novels of Andrei Bely]. Gdansk, Wydawnictwo Uniwersitetu Gdanskiego Publ., 2009. 282 p. (In Russian)